

Николай Архангельский

Настольной лампы орхидея
Тончит звезды далёкий взгляд,
И виден луч, забытый ею
Пять тысяч лет тому назад.

Пророческий, прямой и честный,
Ровесник юных пирамид,
Влетел сюда сразиться в местном
Параде хлорофильных битв.

Он расправляет волоконца
В садах уснувших спелых бронз,
Пока качает бога солнца
Шатёр богов далёких солнц,

Пока, мечтательно сжигая
Настольной зелени муар,
Вольфрамовая нить не тает
И не даёт ещё нагар,

Пока шумящие штормами
Заоблачные невода
Гоняют звёздные цунами
Из ниоткуда в никуда.

Купель огня за шорохом воды
Плетёт восток крючками кружевницы,
И дева дерева, хранящая сады,
Им разрешает нежно пробудиться.

Она ведунья. Углекислый газ
Её дыханья дарит нам дыханье.
Сродни – графит предчувствует алмаз,
И тело мрамора предвидит изваянье.

И литер синева в строках добра
Куётся в чёрных кузницах Плутона.
Я здесь играю. Здесь моя игра.
Серсо Диониса и лира Аполлона.

Пиноккио, мой деревянный брат,
Колода с тембром голоса Коллоди,
Ты тоже бог – поскольку от дриад,
Святых в своей языческой породе.

Я тоже мальчик бог, я лес перерасту,
Мои зрачки по небу проплывают,
Я ударяю палкой по кусту,
И из куста синичка вылетает.

Умерший лёд становится водой
вином перебродившим
в почве
как вести в голубиной почте
внутри природной мастерской

Умершая звезда становится золой
слетающей подобно паутине
сухой радугой в сухой пустыне
бессмысленной
и золотой

Умершая мечта становится виной
сегодняшнего дня перед вчерашним
пропажей в отделении багажном
саднящей раной
свежей болевой

И эта ненадёжная волна
что меньше берега и даже
меньше моря
сама себя в перетекании вторя
к метаморфозе приговорена

Ты не смотри на спящих, не кради
их детские игрушечные тайны
что с ними вместе подросли случайно,
чудно, необычайно,
посреди
базара дней, и суеты, и смуты,
где каждый день принадлежал чему-то
в прожекторах сегодняшних вестей,
где в сумасбродстве молодых дождей
теряли память старые дожди...

Ты не смотри на спящих, не кради
их сон,
идуший рядом, впереди.
Он им расскажет языком теней
про зиму тёплую, когда луне теплей,
про родину ветров, про белизну ветрил,
про то, что где-то в этом мире
казарка спит, не складывая крыл,
зимой на Каспии, а летом на Таймыре.

Остывший метеор,
свой завершая бег,
себя согрел дыханием атмосферы.
Его тысячелетний век
на этом кончен.

Но в исходе меры
ему ещё ожить разрешено
в одной шестнадцатой мгновенного
горения,
увидеть хронику, короткий метр, кино,
его кружение и его крушение.

Он, будто, понял, в чём его вина,
он всё увидел, полюбил, измерил,
он, как Адам всему дал имена,
и отдал свет, которому тесна
была бастилия в его астральном теле.

Но, утренней травы не испарив росу,
он испарился сам в обмолвке неба,
и в следе, загустевшем на весу.

Он не упал,
не долетел.

И не был.

ОКТЯБРЯМ

на моём плече притаилась валетом грусть,
ну и пусть, говорит мне устно и грустно, пусть,
неспроста так долго падает тень моста,
и целует небо прохожих водой в уста.

а мы будем не будем сегодня с тобой грустить,
пусть натягивается шёлковая ветра нить,
через все сентябри октябри, что легли легли
до озябшей руки, до висков, до живой земли,

это странный сиреневый и звучащий свет,
он озвучит в своё ля-бемоль предстоящий снег,
он изменит поток, и насыщенность, и колёр,
он оденет памятью снег, пуховой ковёр,

и опять на моём плече заведётся грусть,
разведёт шелуху чепуху, ну и пусть пусть,
явью станет что физика неправа,
что у времени и у пространства свои права,

что слова про когда и где - не едина суть,
то не цифрами - разве с музыкой той вдохнуть,
и что прошлые прочие наши места и дни
по обочинам.

заколочены.

отдохни.

Что будет означать осколок темноты
В зонах немигающего света,
Такого плотного, что его просто нету
Ни в йоте зрения, ни в ртути слепоты...

Что означает крошечный комок тепла,
Чуть влажного крыла, трепещущего счастья,
Прозрачного в небесном безучастье,
Не верящего в достоверность зла,

Не знающего, что приклад в плечо вжимает след,
Что снайпер жмёт на спуск между волнами пульса
Рассчитывая азимут и убегание курса
И даря живому абсолютный свет...

Мне это прилетело с ветерком,
Под смех осины, по дороге к дому.

А мозг уже был пристален другому.
И у порога думал о другом.

Юное солнце великой луны
дни беспредельны и сочтены
правда о мире и правда стиха
где эта правда, верна и тиха

в чём этот умный о мире вопрос
явью явился, до яви возрос
он ли с улыбкой из прошлого
жди
он ли ошибкою
впереди

люди, похожие на богов
люди с глазами голодных волков
этот мой самый понятный родной
этот незванный чужой и хромой

синим дождям не пребудет конца
синим глазам не увидеть лица
всё из прошедшего в никуда
где у созвездий рабыня звезда

кончена строчка и длится пробел
всё из астральных и глиняных тел
камни глицинии атомы свет
имя и
время

и времени
нет

В водах Мёртвого моря живая вода,
Не для хворей и болей. Хотя иногда,
Говорят, иногда здесь болит голова,
Промышляя пророческие слова.

Суверенный смиренный ручной океан
Своей соли священной хранит колчедан,
Здесь ночами Креститель поведывал мгле,
И поодаль Учитель въезжал на осле.

В водах Мёртвого моря у низких широт
Не бывает штормов и волнения вод,
На песчаных причалах, отсель и округ
Не бывает печалей прощаний разлук.

Я бумажные вплавь снаряжу корабли,
И они куполами взойдут на Нерли,
А над ними фантомом зачин журавлей,
И вечерний помин деревянных церквей.

Будет нам - będzie dobrze, tres bien, хорошо,
И чин-чин после прозит, и на посошок,
Будет волоком облако, медью руда,
Воды Мёртвого моря, живая вода.

Человек зависим

От жёлтых листьев
Бабым летом обвислых
И от холста кисти
И от сумы тюрьмы
И от света тьмы
От луча в окошке
И от кошки немножко

Человек зависим

От заблуждений истин
От электронных писем
Онлайнового закулисья
От логинов паролей
От ценных бандеролей
От почтовой службы
И от ненависти дружбы

Человек причастен

Чужому несчастью
И счастью
Белому снегу смеху
Занозе чужому успеху
Но не приведи никому
Напасти
И в зеркале участливом
И своему отчасти
С самим собою согласию

Без сомнения

Дождинка погоды и небосвода
Человек - вершина природы

Он ей пишет: 'С любовью, Лю'.
Она хочет любовь отдельно.
Её прихоти в стиле блю,
Её вкус духов можжевельный.
Он ей всё про любовь-морковь,
Он читает: 'Ты в это веришь?'
Он устал, он опять и вновь
Курит у коридорной двери.

А провайдер коннектит связь
И прослушивает айфоны,
И слова шелестят, роясь
Обертонами в мегафоне,
Чтоб, сходясь, разлетаться врозь,
Междометными и безответными,
Хэпшпиэндами на авось
И надеждами амулетами.

Как мало человеку даётся лет...
Как много даётся человеку дней...
Долго ли, коротко ли, Бог весть,
Для души, знающей, что её нет,
У Бога, знающего, что Он есть.

Мы вырастаем и потолки становятся
Близкими, низкими до переносицы,
Прямая спина к земле клонится,
Чудная душа небу молится
Душа, знающая на всё ответ,
Душа, знающая, что её нет.

А у Бога, у неба не бывает зла,
Только тайны святые, страшные.
А человеку его барахла
Хватает на всякий день,
Милого, зряшного.
Зато ему мало даётся лет,
Зато ему много даётся дней,
Вздора, сыр-бора и мелочей,
Его душе, которой нет,
Далеко от Бога,
Который есть.

А если к небу - то летучею птицей,
А от неба - так чешуйчатой рыбой,
Брюшным плавником, изгибом,
Очевидностью, невидимой небу,
В илистом сне забыться.

А небесные птицы перья теряют,
А речную рыбу вылавливают и съедают,
А мы, послушные, на земле вырастаем,
Потолки нам становятся до гортани,
До подбородка, до переносицы,
До сердца,
До души мироносицы.

Скрипачка предпоследней нотой
Переигравшая оркестр....
Таксист ей назначает квоту
В честь её платья-полиэстр.

Она принцесса двух Америк,
Она диор, она шанель,
Таксист с неё не хочет денег
За возвращение в отель.

Её глаза теплы и влажны,
Как молодой весенний дождь,
Её «спасибо... нет ... не важно...»
Чуть слышны, как мотора дрожь.

За краем стёкол край вселенной,
И глаз прибора жёлт и тускл,
И с неба падает на сцену
Звезда под свод высоких люстр.

ПАМЯТИ ПРОШЕДШЕГО

Мой маленький гном....

Юрий Кукин

Где девочки, поющие не в лад
про маленького гномика из сказки?
Вас больше нет.
Остался звездопад,
как проблеск крыл вечерней златоглазки.

Где девочки, сидящие гуртом
на первых партах, тянущие руки?
Вас ещё нет.
Вы будете потом
сплетать косички с бантиками туго.

Вас принесёт волшебный самолёт,
когда настанет в солнечной системе
другой рассвет,
и гномик вам споёт
всё то, о чём забыто в теореме.

Завершено стекление небес,
как в самый первозданный вечер тихий,
день спешно исчезает курсом вест,
как слон, бежавший от смешной шутихи.

День был внимателен вниманием иглы.
У дня опять закончились патроны.
Я перепутал вечное с былым.
Я девочек дождусь.
Их телефоны
в другой рассвет влетят
весёлым звоном.

Я будущее знаю
наизусть.